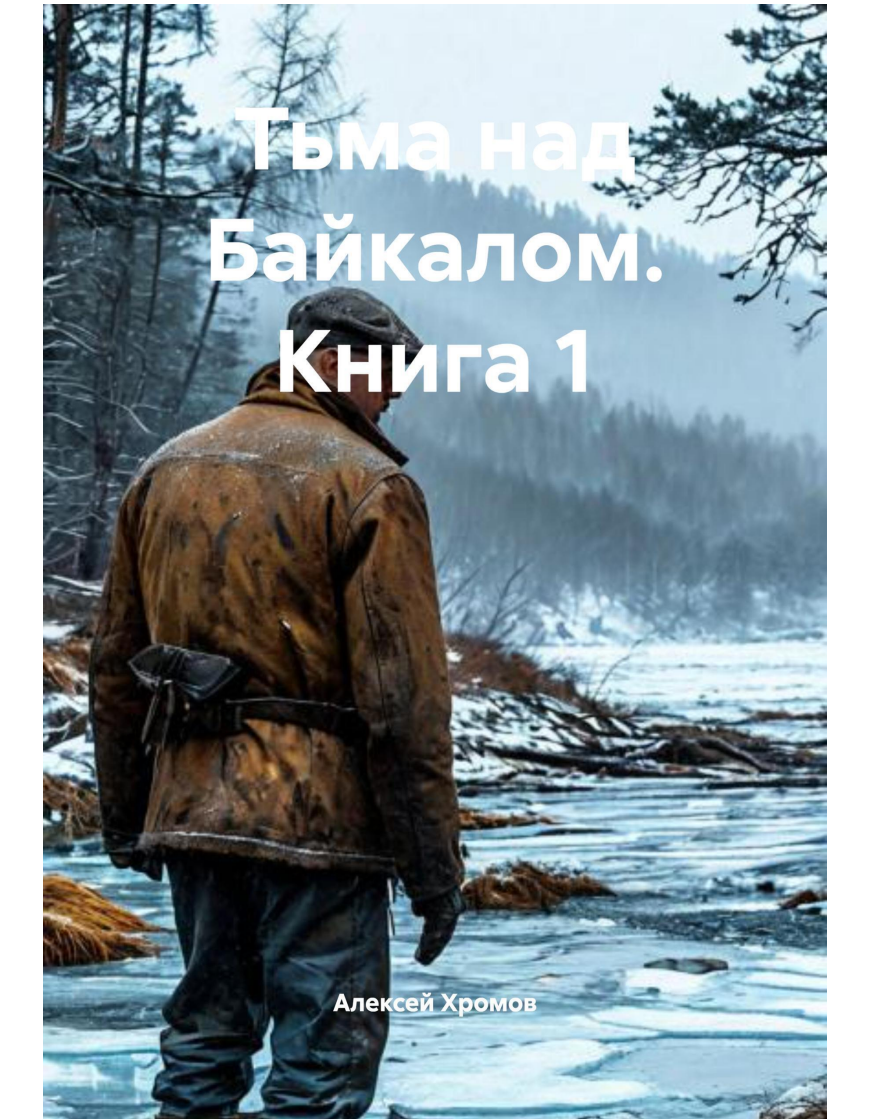

A man in a brown jacket and cap stands on a frozen lake, looking out at a snowy forest. The scene is misty and cold, with snow-covered trees and a frozen body of water in the foreground.

Тьма над Байкалом. Книга 1

Алексей Хромов

Алексей Хромов

Тьма над Байкалом. Книга 1

<https://litres.ru/72132121>

SelfPub; 2025

Аннотация

Иркутск, 1961 год. Капитан милиции Игорь Петров берется за расследование странного дела: на льду Байкала находят тело геолога, замерзшего в неестественной позе, словно сама смерть застала его врасплох. Простое на первый взгляд дело быстро превращается в кошмар. Каждый новый свидетель исчезает или погибает при загадочных обстоятельствах, а единственные улики ведут к давно заброшенному секретному объекту в тайге. Вместе с московским следователем Волковым Петров погружается в паутину государственной тайны, суеверий местных шаманов и пугающих научных экспериментов, связанных с Тунгусской катастрофой. Вскоре они понимают: они ищут не убийцу, а нечто куда более страшное. Нечто, что искажает само время. И теперь охота идет уже на них.

Содержание

Глава 1: Мёртвая вода	5
Глава 2: Тени в тайге	34
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Алексей Хромов

Тьма над

Байкалом. Книга 1

Предисловие

Прошлое, настоящее и будущее – не прямая линия, а запутанный узел. Каждое действие отзывается эхом там, где его не должно быть слышно. Каждое решение, принятое десятилетия назад, бросает тень на сегодняшний день.

Мы думаем, что управляем своей судьбой, но часто мы лишь идем по тропе, проложенной для нас теми, кто был до нас. Или теми, кем мы станем.

В 1908 году над сибирской тайгой что-то сломалось. И этот разлом породил эхо, которое докатилось до наших дней, калеча судьбы, сводя с ума, замораживая мгновения.

Один человек пытался расследовать убийство. А в итоге начал расследовать саму природу времени. Он искал правду и нашел лишь парадоксы. Он потерял все, что имел. Но взамен получил страшный дар – слышать шепот этого сломанного времени.

То, что случилось, случится снова. Круг должен быть замкнут. Или разорван. Эта история о том, как начинается конец. Или как конец становится началом.

Глава 1: Мёртвая вода

(Часть 1)

Байкал в конце ноября – это не просто холод. Это другая планета, случайно забытая в солнечной системе слишком близко к обжитому миру. Воздух здесь настолько плотный и ледяной, что, кажется, вот-вот расколется на мириады острых, невидимых игл и вонзится в легкие. Солнце – бледный, анемичный диск, подвешенный низко над горизонтом, – не греет, лишь подсвечивает бескрайнюю белую пустыню, в которую превратилось озеро. Мир вокруг состоит из двух цветов: слепяще-белого льда и иссиня-черных провалов трещин, похожих на шрамы на лице гиганта.

Семен Бутусов знал этот лед лучше, чем собственную ладонь. Сорок лет он выходил сюда, на эту звенящую пустоту, сначала с отцом, потом один, потом с такими же, как он, выросшими в берег мужиками, для которых лунка во льду была не хобби, а продолжением кухонного стола. Он чувствовал лед ногами, слушал его скрипы и стоны – язык древнего существа, спящего под тобой. Сегодня лед молчал. Глухо, пугающе молчал.

Они с Михалычем отошли от берега дальше обычного. Километра три, не меньше. За окунем покрупнее, которого, если верить Михалычу, тут «ну просто кишмя кишит, только бур сунь». Семен не спорил. Воздух был странным сего-

дня – слишком тихим, слишком неподвижным. Даже ветер, вечный бродяга этих мест, казалось, затаил дыхание где-то за утесами.

Михалыч, кряхтя, забурился первым. Черная вода показала в белом крошечке льда. Семен отошел чуть в сторону, выбирая место. Он уже почти опустил тяжелый ледобур, когда его взгляд зацепился за что-то... неправильное. В двадцати метрах от них лед был неровным. Не торосом, нет. Будто кто-то вплавил в него огромную, мутную линзу. Или...

Он подошел ближе, сапоги хрустели по насту так громко, что хотелось зажать уши. Сердце, обычно мерно стучащее где-то под тулупом, вдруг забилося быстро и неровно, как пойманная птица. Он присел на корточки, всматриваясь.

Сквозь толщу чуть замутненного, словно подернутого дымкой льда, на него смотрело лицо.

Человеческое лицо. Широко открытые глаза, подернутые белесой пленкой инея, казалось, видели что-то за спиной Семена, что-то настолько огромное и невообразимое, что рот остался приоткрытым в беззвучном крике ужаса или изумления. Оно не было испуганным в обычном понимании. Оно было... завершенным. Как у статуи, поймавшей последнее мгновение перед вечностью.

Тело подо льдом застыло в невероятной, вычурной позе. Одна рука была прижата к груди, вторая – выброшена вперед, пальцы скрючены, словно пытались схватить невидимую опору или оттолкнуть что-то. Человек не лежал на дне,

нет. Он висел в толще льда, как мушка в янтаре, вертикально, головой вверх, всего в полуметре от поверхности. Словно замерз не постепенно, а мгновенно, весь, целиком, как кадр из киноплёнки, вырезанный ножницами времени.

«Семён, ты чего там? Клад нашел?» – крикнул Михалыч, не оборачиваясь от своей лунки.

Семен не ответил. Он смотрел на застывшую фигуру, и древний, первобытный страх поднимался откуда-то из живота холодным комом. Это был не страх смерти – ее он видел не раз. Это был страх неправильности. Ошибка в коде мироздания. Что-то заглянуло сюда, в их привычный мир льда и рыбы, из совершенно другого измерения, оставив вот это... напоминание. Памятник чему-то, чему нет названия.

Он медленно поднялся. В звенящей тишине Байкала его собственное дыхание казалось ревом паровоза. Он чувствовал, как стынет спина, несмотря на ватник и тулуп. Он чувствовал на себе взгляд этих мертвых, подернутых инеем глаз из ледяного саркофага. И еще он чувствовал, что лед под ногами больше не молчит. Он начал тихонько гудеть. Еле слышно, на самой низкой ноте, какую только может взять Вселенная.

(Часть 2)

Когда "газик" капитана Петрова, надрывно кашляя, наконец дополз по едва накатанному следу к месту происшествия, солнце уже неохотно вылезло из-за зубчатой гряды гор на том берегу. Но его свет, рассеянный ледяной пылью,

висевшей в воздухе, не принес ни тепла, ни ясности. Наоборот, он сделал белизну льда болезненной, а черную фигуру, застывшую под ней, еще более чужеродной.

У кромки льда, там, где вчерашняя паника Семена и Михалыча превратилась сегодня в мрачное любопытство десятка мужиков из ближайшей деревни, стояла тишина. Не та звенящая тишина пустого Байкала, а густая, ватная тишина, наполненная невысказанными вопросами и суеверным страхом. Мужики топтались на месте, курили, переговаривались шепотом, но к самому месту, отмеченному двумя воткнутыми пешнями, никто не подходил. Словно вокруг ледяной гробницы образовалось невидимое силовое поле.

Капитан Петров, Игорь Матвеевич, выбрался из машины. Высокий, чуть сутулый, в поношенном, но добротном полушубке поверх формы, с лицом, которое Байкал и годы службы выдубили до состояния хорошо прокопченной кожи. Глаза – цепкие, внимательные, чуть усталые, видевшие слишком много бытовых драм, пьяных драк и случайных смертей в этом суровом краю. Но это... это было что-то иное. Он почувствовал это сразу, как только вышел из машины, как будто воздух здесь имел другой привкус, горьковатый, металлический.

Он кивнул знакомым мужикам, не задавая вопросов. Знал, что все расскажут потом, захлебываясь и перебивая друг друга. Сейчас нужно было смотреть самому. Он натянул меховые рукавицы поплотнее и направился к центру молча-

ливого оцепления. Под его валенками снег хрустел сухо и резко, каждый шаг отдавался в голове стуком метронома, отсчитывающего секунды до чего-то непонятного.

Приблизившись, он остановился. Да. Все так, как доложил участковый по телефону. Человек. Во льду. Стоит.

Петров присел на корточки, так же, как вчера Семен. Слой льда был кристально чистым здесь, словно отполированным чьей-то невидимой рукой. И фигура под ним была видна жутко отчетливо. Незнакомый мужчина, лет сорока на вид, неплохо одет – темное пальто, шляпа рядом вмерзла, будто слетела в последний момент. Но не одежда приковывала взгляд.

Поза. Абсолютно неестественная. Никаких признаков борьбы, попыток выбраться. Он не тонул, не замерзал постепенно, дрожа и съеживаясь. Он был... *зафиксирован*. Как бабочка на булавке коллекционера. Взгляд широко открытых, остекленевших глаз был устремлен не вверх, на Петрова, а куда-то сквозь лед, сквозь толщу воды под ним, в немыслимую глубину, где, по преданиям, обитали чудовища древнее самого времени. И выражение лица... Петров повидал много мертвецов, но такого не видел никогда. Это не был страх, не была боль. Скорее... предельное, нечеловеческое изумление. Словно человек увидел ответ на вопрос, который боялся даже задать самому себе.

Игорь Матвеевич провел рукой в рукавице по поверхности льда. Гладкий, холодный. Но вокруг самой фигуры лед

казался другим. Чуть темнее? Или это игра света? Он потер пальцем. Структура была иной – мелкозернистой, с вкраплениями крошечных пузырьков воздуха, застывших, как звезды в черном стекле. И еще ему показалось – или нет? – что от этого участка льда исходит едва уловимая вибрация. Не звук, а именно ощущение, прошедшее через толстую рукавицу и кожу, прямо в кости. Словно механизм под ледяной крышкой все еще тикал.

Следов вокруг почти не было, кроме тех, что оставили Семен с Михалычем и сам Петров. Ни борьбы, ни волочения. Словно человек просто материализовался здесь, в этой нелепой позе, и лед мгновенно схватил его в свои объятия.

Петров поднялся. Устало потер переносицу. Этот случай ему сразу не понравился. Не своей жестокостью – ее тут не было. А своей тихой, холодной, необъяснимой *странностью*. Байкал умел хранить тайны. Иногда он их показывал. И то, что он показал сегодня, не сулило ничего хорошего. Где-то в глубине его опытного милицейского нутра заворочался червячок тревоги, который всегда появлялся перед делами, от которых потом долго не спишь по ночам. Он обвел взглядом застывшую пустыню озера, низкое небо, молчаливых мужиков. И почувствовал себя песчинкой на ветру истории, дующем из неведомых времен.

«Оцепить,» – хрипло бросил он ближайшему милиционеру, молодому сержанту, зябко кутавшемуся в шинель. – «Никого не подпускать. Ждем криминалистов из Иркутска. И...»

– он запнулся, посмотрев еще раз на фигуру во льду, – «... и ничему не удивляйтесь».

(Часть 3)

Петров отошел от ледяной гробницы к своему «газику». Мотор он не глушил – в такой мороз заводить его снова было целой эпопеей, да и слабая струйка теплого воздуха, пробивающаяся из дефлектора, была единственным островком цивилизации в этой первобытной белизне. Мужики, осмелев под защитой милицейской формы, подошли ближе к машине, переминаясь с ноги на ногу. Их лица, обветренные и красные, выражали смесь страха, любопытства и какого-то почтительного ужаса.

«Кто нашел?» – спросил Петров, доставая блокнот и огрызок карандаша. Пальцы в перчатках не слушались, пришлось стянуть одну. Холод тут же впился в кожу.

Вышел Семен Бутусов. Он заметно постарел за последние сутки. Глаза беспокойно бегали, руки подрагивали, когда он доставал папиросу.

«Я... Мы с Михалычем...» – начал он глухо. «За окунем пошли... А оно вон там... лежит... то есть, стоит...» Он запнулся, подбирая слова. «Как неживой. Совсем. И глаза... Открыты».

«Видел его раньше? Местный?» – Петров записывал, стараясь выводить буквы ровно, хотя карандаш царапал промерзшую бумагу.

«Не, не нашего поселка,» – встрял Михалыч, грузный му-

жик с обледеневшими усами. «Одет не по-нашему. Чисто. Видать, из больших людей».

«Из больших людей так просто во льду не застывают,» – буркнул Петров. «Что еще заметили? Следы? Лодка? Может, крики слышали вчера?»

Мужики переглянулись. Тишина стала еще плотнее. Потом заговорил старик, самый древний из всех, опиравшийся на пешню, как на посох.

«Никто тут не кричит, Матвеич. Байкал шума не любит. Особенно *здесь*. Место-то гиблое».

Петров поднял на него глаза. «Гиблое, говоришь, Афанасийч? Почему?»

Старик сплюнул на лед. Слюна мгновенно замерзла желтоватым пятном. «Старики сказывали. Сам Бурхан тут не велел шастать. Воду мутить. Кто не слушал – тот и оставался. То вода заберет без шторма, то лед под ногами разойдется, как гнилая тряпка, то вот...» Он кивнул в сторону фигуры подо льдом. «Хозяин, видать, недоволен».

Петров вздохнул. Хозяин. Бурхан. Духи. В каждом поселке, в каждой артели – свои байки. Обычно он пропускал их мимо ушей. Работа требовала фактов, а не фольклора. Но сегодня что-то мешало просто отмахнуться. Та фигура во льду была слишком... *неправильной*. Она сама по себе казалась вылезшей из какого-то древнего, страшного мифа.

«Говорят, буря была сильная дня три назад,» – подал голос еще один рыбак, помоложе. «Ночью. Вроде тихо, а потом

как вдарит ветер! С того берега, от Хамар-Дабана. Станный ветер, с воем».

«И никто не видел, чтобы он на лед выходил? Машина? Аэросани?» – Петров методично задавал вопросы, хотя чувствовал, что ответы утекают сквозь пальцы, как вода.

Мужики мотали головами. Не видели. Не слышали. Место глухое. Да и кто попрется сюда в такую погоду, кроме них, отчаянных?

«А цвет льда...» – вдруг прошептал Семен, снова глядя в сторону находки. «Видел, Матвеич? Он темный вокруг него. И как будто... светится изнутри».

Петров снова посмотрел туда. С этого расстояния ничего особенного не было видно. Но слова Семена, сказанные этим испуганным, надтреснутым шепотом, повисли в морозном воздухе. Он записал в блокнот: «Лёд – темн.? Свет.? (проверить)». Скептически, но записал. Мало ли.

Он закрыл блокнот. Вопросов было больше, чем ответов. Пока что это было похоже на еще одно нераскрываемое байкальское дело. «Глухарь», который ляжет в папку с десятками таких же. Если бы не эта жуткая, невозможная поза. И не это странное ощущение вибрации, которое он почувствовал кожей сквозь рукавицу. Словно замерзший человек был не просто мертв, а подключен к чему-то, все еще работающему глубоко подо льдом.

«Ладно,» – сказал он. «Спасибо. Сильно не расходитесь. Может, криминалисты еще чего спросят».

Мужики закивали, пряча лица в воротники. Петров сел в машину. Мотор тихо урчал. Он смотрел сквозь лобовое стекло на бескрайний лед, на маленькую темную точку, вокруг которой сейчас сустились приехавшие с ним сержанты, разматывая сигнальную ленту. Эта лента казалась здесь такой нелепой, такой хрупкой преградой против той тихой, холодной, древней силы, что смотрела на него сейчас из глубины озера и из широко открытых глаз замерзшего человека.

(Часть 4)

Кабинет начальника Иркутского УВД полковника Зуева пах застарелым табачным дымом, теплой пылью от батарей центрального отопления и той едва уловимой смесью одеколona «Шипр» и казенной тревоги, которая въедается в стены любого милицейского начальства. На стене – неизменный Ленин, указующий перстом куда-то мимо головы Петрова, и портрет нынешнего Генсека, глядящий строго и непроницаемо. Зуев, грузный, с красным лицом и сетью лопнувших сосудов на щеках, сидел за массивным полированным столом, заваленным папками.

Петров стоял навытяжку, хотя усталость тянула плечи вниз. Дорога из байкальской глуши обратно в Иркутск вымотала остатки сил. Холодный ужас ледяного изваяния сменился здесь, в теплом кабинете, тягучей, бюрократической нудятиной.

«...Так вот, товарищ полковник,» – Петров заканчивал свой доклад, стараясь говорить ровно, по-уставному, – «Тело

обнаружено замороженным в лед, примерно в трех километрах от берега, в районе мыса Ухан. Поза неестественная, вертикальная. Признаков борьбы, насильственной смерти или проруби рядом – не обнаружено. Личность пока не установлена, документов при нем нет».

Зуев побарабанил пухлыми пальцами по крышке стола. Взгляд у него был скучающий. Еще один труп. Зима, Байкал – обычное дело.

«Ну, чего ты мне голову морочишь, Петров?» – Зуев взял со стола почти потухшую папиросу, прикурил от спички, чиркнув ею о коробок с каким-то остервенением. – «Ясно же все как божий день. Нажрался мужик где-то на берегу, поперся на лед зачем-то. Провалился под тонкий ледок у трещины, течением под основной слой затянуло, там и замерз. Или просто лег и уснул пьяный, замерз, а потом поземкой и льдом затянуло. Тысячу раз такое было!»

Петров кашлянул. «Товарищ полковник, поза... Она совсем не похожа на утонувшего или замерзшего. Он стоит прямо, руки раскинуты странно... И глаза открыты. Выражение лица...» Он запнулся. Как описать *это* выражение полковнику Зуеву?

«Выражение лица! – передразнил Зуев, выпуская клуб дыма. – Что, стихи тебе на лбу написал перед смертью? Мало ли какое выражение у замерзшего бывает! Корчился, вот и застыл так. Ищи, где пил. У кого гостил. Проверь поселковых алкашей, кто там с ним компанию водил».

«Он не похож на местного, товарищ полковник,» – осторожно вставил Петров. – «Одежда хорошая, не рабочая. Пальто, шляпа... Семен Бутусов, который нашел, говорит – приезжий, видать. Из „больших людей“».

Зуев нахмурился. Это меняло дело. «Большие люди» просто так по льду не шастают и не замерзают. Особенно без документов.

«Кто такой, не установили еще?» – спросил он уже другим тоном, более деловым.

«Криминалисты работают. Только прибыли туда. Фото сделают, отпечатки, если получится. Но выдолбить его – это надолго. Там лед как камень. Запросил технику».

Полковник задумался, теребя мясистый подбородок. Приезжий. Без документов. Странная смерть. Это уже пахло не бытовухой, а чем-то посложнее. Возможно, даже проблемой для него лично.

«Мне звонили уже из Обкома,» – сказал он неожиданно тихо, глядя куда-то поверх головы Петрова

(Часть 5)

Два дня спустя, когда криминалистам с трудом и матюками удалось выдолбить ледяную глыбу с застывшей фигурой и отправить ее в Иркутск, а Петров почти потерял надежду установить личность неизвестного (отпечатков в базах не было, особых примет – тоже), раздался звонок. Не по обычному городскому телефону, а по "вертушке" – аппарату правительственной связи, стоявшему на столе у Зуева и молчав-

шему месяцами.

Петров в этот момент сидел в кабинете полковника, докладывая об очередном тупике в расследовании – опросы в близлежащих НИИ и экспедициях ничего не дали, никто из сотрудников не пропадал. По крайней мере, официально. Зуев слушал мрачно, жуя незажженную папиросу. Звонok заставил его вздрогнуть. Он посмотрел на аппарат так, словно тот мог укусить.

«Слушаю! Полковник Зуев,» – сказал он в трубку тоном бодрым, но с явным напряжением.

Петров не слышал, что отвечали на том конце провода, но видел, как меняется лицо полковника. Оно медленно багровело, а глаза бегали по бумагам на столе, словно ища там спасения. Зуев в основном молчал, изредка вставляя «Так точно», «Понимаю», «Будет исполнено».

Когда он наконец положил трубку, то некоторое время сидел неподвижно, глядя перед собой. Воздух в кабинете стал густым и тяжелым.

«Из Москвы звонили,» – сказал он наконец тихо, не глядя на Петрова. – «Даже не из МВД. Выше».

Петров напрягся. Это было плохо. Это означало, что их замороженный "подснежник" – не просто специалист, а кто-то очень важный. Или дело было вовсе не в нем?

«Заинтересовались нашим уопленником,» – криво усмехнулся Зуев, но в глазах усмешки не было. – «Спрашивали детали. Очень подробно. Про место. Про... странно-

сти».

«Странности?» – переспросил Петров. Он не упоминал в официальных рапортах ни о темном льде, ни о своих ощущениях вибрации, ни о байках рыбаков. Только о неестественной позе и отсутствии следов.

«Ну да. Вроде как... им там в Москве виднее, какие у нас тут странности на Байкале,» – желчно сказал Зуев. Он явно был взбешен тем, что его обошли через голову. – «Короче. Признали дело „особо важным“. Передают под контроль союзной Прокуратуры. И... присылают своего человека».

Петров почувствовал, как холодок пробежал по спине, несмотря на тепло в кабинете. Своего человека. Из Москвы. Это означало две вещи: дело действительно серьезное, и им, местным, не доверяют. Или, что еще хуже, от них хотят что-то скрыть.

«Следователь по особо важным делам,» – продолжал Зуев, вставая и подходя к окну, за которым сыпал мелкий снег, уже успевший превратить Иркутск в серую кашу. – «Фамилия... Волков. Старший лейтенант юстиции. Молодой, говорят, но зубастый. Завтра утренним рейсом прибывает. Встретишь его, Петров. Введешь в курс дела. И... будешь ему помогать». Последнее слово он произнес с явной неохотой.

«Помогать... или мешать?» – подумал Петров, но вслух сказал: «Есть, товарищ полковник».

«Ты пойми, Петров,» – Зуев обернулся, в его глазах бы-

ла непривычная растерянность. — «Дело мутное. Явно что-то нечисто. Может, шпионаж какой. Или... похуже. На Байкале всякого хватает, сам знаешь. Вояки там свои игры играют, наука что-то секретное мутит... Может, и доигрались. А нам теперь разгребать». Он тяжело вздохнул. «Так что ты с этим... Волковым... осторожнее. Глаза и уши держи открытыми. Но и палки в колеса не суй без нужды. Москва шутить не любит».

Петров кивнул. Он прекрасно понимал невысказанный приказ: сотрудничать, но следить. Быть для московского гостя и помощником, и надсмотрщиком. Роль не из приятных.

«Разрешите идти, товарищ полковник?»

«Иди. Готовься встречать „важняка“. И это... Петров,» — Зуев снова понизил голос. — «Та фигня с геологами... Пропадавшая группа... Ты ее пока придержи. Не спеши связывать с этим делом. Пусть москвич сам разбирается, если докопается».

Выходя из управления, Петров поежился. Снег перешел в колючую крупу, ветер пробирал до костей. И дело уже казалось не просто странным, а опасным. Невидимые нити тянулись от замерзшей фигуры во льду куда-то вверх, в высокие кабинеты, в секретные лаборатории, в прошлое, которое не хотело оставаться мертвым. И теперь в эту паутину должен был войти новый игрок. Следователь из Москвы. Что он принесет с собой — разгадку или еще больше хаоса?

(Часть 6)

Иркутский аэропорт встретил утренний рейс из Москвы низким серым небом и пронизывающим ветром, который залетал под воротник казенного полушубка Петрова и неприятно холодил шею. Он стоял чуть поодаль от толпы встречающих, курил папиросу за папиросой, наблюдая, как по трапу спускаются пассажиры – военные в шинелях, интеллигенты в пыжиковых шапках, женщины, кутающие детей в толстые одеяла. Все они спешили укрыться в теплом здании аэровокзала от сибирской неприветливости.

Петров ждал, высматривая того, кто должен был выделяться. Не по одежде, нет – Москва умела мимикрировать. По выражению лица, по походке, по той едва уловимой ауре человека, приехавшего не любоваться красотами, а работать. Вершить судьбы, как им там, в центре, кажется.

Он появился почти последним. Старший лейтенант Волков оказался выше и моложе, чем представлял себе Петров. Лет двадцати семи, не больше. Высокий, подтянутый, в щегольской, ладно сидящей шинели явно не иркутского пошива, на голове – новенькая каракулевая шапка-ушанка, но уши демонстративно подняты, словно мороз ему нипочем. В руке – небольшой, аккуратный фибровый чемоданчик. Двигался он быстро, энергично, с какой-то деловитой целеустремленностью, оглядывая унылый пейзаж иркутского аэропорта с легкой брезгливостью столичного жителя, попавшего в глухую провинцию.

Волков легко вычислил Петрова в толпе – милицейская

форма и выжидающая поза не оставляли сомнений. Он направился прямо к нему, протягивая руку в перчатке.

«Старший лейтенант юстиции Волков, прибыл по вашему делу,» – голос у него был четкий, поставленный, без тени сибирского говорка. Хватка руки – крепкая, уверенная.

«Капитан Петров, уголовный розыск,» – ответил Игорь Матвеевич, пожимая протянутую руку. Его собственная ладонь показалась ему грубой и обветренной рядом с холеной перчаткой москвича. – «Добро пожаловать в Иркутск, товарищ старший лейтенант».

«Можно просто Волков. Или Александр Сергеевич,» – поправил тот, чуть улыбнувшись уголком рта. Улыбка вышла вежливой, но холодной. – «Как я понимаю, вы в курсе цели моего визита?»

«Так точно, товарищ... Волков,» – Петров почувствовал легкое раздражение. Этот столичный лоск, эта уверенность человека, знающего, что за ним стоит сила, вызывали инстинктивное отторжение. – «Полковник Зуев проинструктировал. Машина ждет».

Они пошли к стоянке, где старенький «газик» Петрова казался еще более неказистым рядом с черной «Волгой», припаркованной чуть поодаль (наверняка из обкома или местного КГБ, уже подсутились встретить «важную шишку»).

«Надеюсь, вы ввели в курс дела вашего патологоанатома?» – спросил Волков, бросая свой чемоданчик на заднее сиденье «газика» с таким видом, будто опасался его испач-

кать. – «Хочу осмотреть тело как можно скорее. И место происшествия. Вы его охраняете?»

«Место оцеплено. Тело в городском морге,» – отрапортовал Петров, заводя двигатель. Мотор недовольно чихнул пару раз, прежде чем затарахтеть. – «На Байкал сможем выехать завтра утром, если погода позволит. Сейчас темнеет рано, да и дорога...»

«Дорога меня не пугает, капитан,» – перебил Волков, разглядывая обшарпанную приборную панель «газика». – «Меня пугает потеря времени. В Москве ждут результатов. И как можно скорее».

«У нас тут, в Сибири, время течет по-другому, Александр Сергеевич,» – не удержался Петров. – «Иногда приходится подстраиваться под Байкал, а не под московские ожидания».

Волков бросил на него быстрый, оценивающий взгляд. В голубых, чуть прищуренных глазах промелькнуло что-то острое, изучающее. Он явно был не так прост, как казался на первый взгляд.

«Возможно,» – сказал он ровно. – «Но законы физики и уголовного кодекса везде одинаковы. Или вы считаете иначе, капитан?»

«Я считаю, что дело у нас странное,» – ответил Петров, выруливая со стоянки на разбитую дорогу. – «И простого объяснения пока не видно».

«Станных дел не бывает, капитан,» – Волков откинулся на сиденье, глядя в окно на проплывающие мимо серые де-

ревянные дома и дымящие трубы. – «Бывают плохо собранные факты и недостаток логики. Уверен, мы с вами быстро во всем разберемся».

Петров промолчал. Он уже понял, что работать с этим столичным «важняком» будет непросто. Между ними лежала не только разница в званиях и географии. Между ними лежал разный взгляд на мир. Рациональный, холодный ум Волкова против опыта и интуиции Петрова, замешанных на знании этого края, его людей и его темных тайн. И эта разница, это напряжение, повисшее в тесной кабине старого «газика», обещало искры. А возможно, и пожар.

(Часть 7)

Иркутский морг пах формалином, хлоркой и еще чем-то сладковатым, неуловимо тошнотворным – запахом смерти, которую пытались сделать стерильной. Воздух был холодным, но эта холодность не шла ни в какое сравнение с ледяным дыханием Байкала. Здесь она была мертвой, выхолащенной.

На металлическом столе под тусклой лампой лежало тело. Уже не в ледяной глыбе – ее растопили паром и горячей водой. Теперь это был просто труп неизвестного мужчины. Бледная кожа, синеватые губы, слипшиеся волосы. И те самые широко открытые глаза, которые, казалось, до сих пор смотрели на что-то невидимое в потолке морга. Даже смерть не смогла стереть с его лица выражение предельного, застывшего изумления.

Рядом стояли Волков и Петров. Волков рассматривал тело внимательно, профессионально отстраненно. Петров старался не смотреть на лицо – от него до сих пор бежали мурашки.

Патологоанатом, немолодой уже мужчина по фамилии Шерстнев, с усталыми глазами и руками в вечных желтых пятнах от химикатов, закончил предварительный осмотр и вытирал руки ветошью.

– Ну что, товарищ Шерстнев? Ваши выводы? – спросил Волков, не отрывая взгляда от трупа. Голос его в гулком помещении морга звучал особенно резко.

– Предварительно – все та же асфиксия в результате общего переохлаждения, – пробурчал Шерстнев, закуривая. Дым папиросы смешался с запахами морга, создавая совсем уж невыносимую атмосферу. – Воды в легких нет, значит, не тонул. Замерз. Классика для этих мест.

– Классика? – Волков скептически поднял бровь. – Вы находите позу, в которой его обнаружили, классической?

Шерстнев пожал плечами.

– Всякое бывает при замерзании. Мышечные спазмы, трупное окоченение на морозе может такие фортели выкинуть... Но... – он запнулся.

– Что «но»? – тут же подхватил Волков.

– Есть странности, – Шерстнев потер лоб. – Ткани... Они... необычные. Слишком хорошо сохранились для предполагаемого времени нахождения во льду. Почти как при

криогенной заморозке. И структура клеток... Под микроскопом видно... Они словно... стеклянные? Очень хрупкие. Я такого раньше не видел. Будто не просто замерзли, а... кристаллизовались мгновенно.

Волков нахмурился.

– Кристаллизовались? Что это значит?

– Понятия не имею, – развел руками Шерстнев. – Нет такого в учебниках. Возможно, какой-то неизвестный химический реагент попал в организм перед смертью? Или... что-то другое. Но пробы на основные яды отрицательные. Алкоголя в крови тоже минимум, так, для запаха. Он был трезв.

Петров слушал молча, но слова Шерстнева эхом отзывались в его голове. Мгновенная заморозка. Кристаллизация тканей. Он вспомнил рассказы своего деда, старого рыбака, который клялся, что в молодости видел, как во время странной байкальской бури, когда небо светилось зеленым огнем, олень, бежавший по берегу, вдруг застыл на месте, превратившись в ледяную статую. Дед называл это «дыханием Хозяина» или работой «замороженных духов», которые иногда вырываются из трещин во льду. Тогда Петров только посмеивался над стариковскими байками. Сейчас было не до смеха.

– То есть, вы хотите сказать, что он мог замерзнуть... моментально? – спросил Волков, явно пытаясь уложить слова Шерстнева в свою рациональную картину мира. – Как это возможно?

– С точки зрения известной мне медицины – невозможно, – прямо сказал Шерстнев. – Но я вижу то, что вижу. Структура тканей изменена на клеточном уровне. Как будто его пропустили через... не знаю... какой-то сверхнизкотемпературный шок. Выходящий за рамки обычного природного замерзания.

Волков потер подбородок, глядя на неподвижное тело.

– Интересно... Это меняет дело. Или усложняет. Спасибо, Шерстнев. Подготовьте подробное заключение. Особенно по этим... кристаллам в тканях. Возможно, потребуется экспертиза в Москве.

Шерстнев кивнул и вышел, оставив следователей наедине с трупом и его тайнами.

– Ну что, капитан? – Волков повернулся к Петрову. В его глазах уже не было прежней снисходительности, скорее – азарт охотника, учувшего сложный след. – Ваша «сибирская экзотика» приобретает некоторые объективные черты? Мгновенная заморозка, кристаллизация... Похоже, наш клиент столкнулся с чем-то посерьезнее обычного мороза.

Петров кивнул, глядя на застывшее лицо неизвестного.

– Я же говорил, дело странное. И эти... байки деда... про замороженных духов... – он осекся, поняв, что снова лезет в мистику.

Но Волков на этот раз не стал отмахиваться.

– Духи духами, капитан, но какая-то аномалия здесь явно присутствует. Природная? Техногенная? Надо выяснять.

Очень надо выяснять. Кто он такой, этот человек? И что он делал на Байкале? Похоже, ответ на этот вопрос гораздо важнее, чем я думал сначала.

(Часть 8)

Пока Волков окучивал научные институты и тряс армейские чины по своим московским каналам, пытаясь нащупать ниточку к личности замороженного или к возможному секретному эксперименту, Петров занялся тем, что считал не менее важным. Он зарылся в прошлое. Не в большое, официальное прошлое из учебников истории, а в то мелкое, пыльное, забытое прошлое, что оседало на полках областного архива и в подшивках старых газет.

Архив встретил его запахом тлена. Не трупного, нет – тлена бумажного. Миллионы страниц, исписанных выцветшими чернилами и машинописным шрифтом, хранили истории болезней, рождений, судебных тяжб и смертей. Воздух был сухим и неподвижным, пылинки танцевали в редких лучах света, пробивавшихся сквозь грязные окна. Тишина здесь была особенная, не байкальская – глухая, давящая, словно сами стены впитали все горести и тайны, осевшие на этих пожелтевших страницах.

Петров перелистывал старые милицейские сводки, отчеты участковых из прибайкальских районов, подшивки «Востоčno-Сибирской правды» за последние тридцать лет. Дело двигалось медленно. Бумага крошилась в руках, записи часто были неразборчивы, сделанные наспех карандашом или

выцветшими чернилами. Он искал нечто похожее на их случай: странные смерти на льду, необъяснимые исчезновения, упоминания о людях, найденных замерзшими в неестественных позах.

Часы текли вязко, как смола. Спина затекла, глаза слезились от пыли и напряжения. Он просмотрел сводки за пятидесятые – годы послевоенной неразберихи, когда люди пропадали часто, а причины смерти не всегда расследовались тщательно. Ничего похожего. Сороковые – война, эвакуация, не до странных смертей на Байкале. Он уже начал думать, что Волков прав, и все эти предчувствия и дедовские байки – лишь плод усталости и воображения, игра разума в этом краю легенд. Может, просто несчастный случай, осложненный какими-то аномальными погодными условиями?

Он почти сдался, решив перекурить и переключиться на что-то другое, когда его взгляд зацепился за короткую заметку в ветхой подшивке районной газеты «Байкальская Заря» за... да, за 1938 год. Мелкий шрифт, неказистый заголовок: «Трагедия на льду».

Заметка была короткой, всего несколько строк, затерявшаяся между отчетом о надоях и новостью о разоблачении очередного «врага народа». В ней сообщалось об охотнике-промысловике из села Турка, не вернувшемся с Байкала. Позже его тело было найдено вмерзшим в лед «в нескольких верстах от мыса Ухан». Знакомое название.

Петров впился глазами в строчки. Дальше шло самое ин-

тересное. «Тело было обнаружено товарищами по артели в странном, неестественном положении,» – коряво сообщал неизвестный корреспондент. – «Признаков борьбы или нападения хищников не обнаружено. Медэкспертиза установила смерть от переохлаждения. По предварительной версии, смерть наступила в результате несчастного случая во время внезапного бурана, сопровождавшегося, по словам очевидцев, необычными атмосферными явлениями».

И все. Никаких подробностей. Какое «неестественное положение»? Какие «необычные атмосферные явления»? Дело наверняка быстро закрыли, списав все на стихию и разгул контрреволюции, мешавшей строить социализм. Тридцать восьмой год – время было такое, не до загадок природы.

Но для Петрова эти несколько строк прозвучали громче набата. Тот же район. Та же смерть от холода без видимых причин. Та же «неестественная поза». Даже упоминание странной погоды. Словно эхо, долетевшее сквозь два с лишним десятилетия.

Он откинулся на спинку скрипучего стула, чувствуя, как по спине пробежал холодок, не связанный с промозглой атмосферой архива. Это уже не было просто совпадением. Это был паттерн. Призрак прошлого, протянувший ледяные пальцы в настоящее.

Значит, их замороженный – не первый. Значит, что-то происходит в этом районе Байкала уже давно. Что-то цикличное, страшное, выходящее за рамки привычной логики.

И байки деда о «замороженных духах» внезапно перестали казаться просто байками. Они стали похожи на искаженное временем предупреждение.

Петров аккуратно переписал данные заметки в свой блокнот. Это была слабая зацепка, почти эфемерная. Волков, скорее всего, снова отмахнется, скажет, что это притянута за уши. Но Петров чувствовал – он на верном пути. Пути, который вел не только к разгадке смерти неизвестного мужчины, но и к какой-то древней, темной тайне самого Байкала. Тайне, которую озеро хранило десятилетиями, лишь изредка приоткрывая ее ледяной полог.

(Часть 9)

Петров как раз вернулся из архива, все еще ощущая на руках пыль десятилетий и легкий озноб от своей находки, когда в их с Волковым временном кабинете дребезжаще зазвонил телефон. Не "вертушка", обычный городской аппарат. Волков, погруженный в изучение каких-то схем и карт, которые ему явно передали не по официальным каналам, поморщился и кивнул Петрову – мол, бери трубку.

– Капитан Петров, слушаю.

Голос на том конце провода принадлежал дежурному по УВД, говорил он быстро и встревоженно.

– Игорь Матвеевич, тут ЧП. Из Усть-Баргузина звонили только что. Начальник местной геологоразведочной партии... Говорит, пропала связь с одной из их полевых групп. Вчера вечером должны были выйти на связь по рации – и

тишина. Сегодня утром тоже.

Петров почувствовал, как внутри все похолодело. Он помнил слова Зуева о запросе из Обкома насчет пропавших геологов. Значит, то были не просто слухи.

– Какая группа? Где они находились?

– Группа номер семь, начальник – Кольцов. Четыре человека. Они работали в тайге, квадрат... – дежурный продиктовал координаты, – ...это примерно семьдесят километров к северо-востоку от озера, район речки Большой Чивыркуй. Глухомань страшная. Говорят, там даже троп нормальных нет.

Волков поднял голову от своих бумаг, услышав обрывки разговора. В его глазах мелькнул острый интерес.

– Давно пропали? Есть какие-то версии? – спросил Петров, уже зная ответ.

– Начальник партии говорит, они всегда на связь выходили четко, как часы. Рация у них исправная, погода в том районе последние сутки спокойная, без сильных морозов и буранов. Он боится худшего. Попросил помощи. Вертолет нужен для облета, поисковая группа...

– Понял. Передай в Усть-Баргузин, чтобы ждали. Мы сейчас будем решать. Отбой.

Петров положил трубку. Некоторое время они с Волковым молчали, глядя друг на друга.

– Геологи? – наконец спросил Волков.

– Они самые. Четыре человека. Потеряли связь в тайге,

недалеко от того места, где нашли нашего... замороженного. Ну, относительно недалеко по здешним меркам. Километров сто пятьдесят, может.

Волков подошел к карте Иркутской области, расстеленной на соседнем столе. Нашел указанный дежурным квадрат. Задумчиво провел пальцем по зеленому пятну тайги.

– Речка Большой Чивыркуй... Интересно. Это не так далеко от того мыса Ухан, где нашли тело. И совсем рядом с той зоной, где, по вашим словам, местные наблюдали «необычные атмосферные явления» в тридцать восьмом. – Он бросил на Петрова быстрый взгляд. Было видно, что и московский следователь начинает складывать два и два.

– Так что будем делать, Александр Сергеевич? – спросил Петров. Он уже знал, каким будет ответ, но протокол требовал субординации.

– Делать? – Волков резко выпрямился. В его голосе появился азарт. – Собираться будем, капитан. Немедленно. Организуйте вертолет, поисковую группу – пара ваших самых толковых ребят, плюс проводник, знающий те места. Берем снаряжение, рацию, оружие на всякий случай. Вылетаем в Усть-Баргузин, оттуда – в тайгу.

– Полковник Зуев просил пока не связывать... – начал было Петров, но Волков его перебил.

– Полковник Зуев сейчас выполняет распоряжения Москвы. А Москва хочет знать, что происходит на Байкале. Исчезновение группы геологов в том же районе, где при стран-

ных обстоятельствах погибает неизвестный (возможно, тоже геолог или кто-то связанный с ними), – это уже не совпадение. Это система. И мы летим туда, капитан. Вместе. Возможно, эти пропавшие геологи дадут нам ключ к разгадке гибели вашего «ледяного человека». Или... – он усмехнулся невесело, – ...пополнят коллекцию сибирских загадок.

Петров кивнул. Спорить было бесполезно, да и не хотелось. Несмотря на всю его настороженность к московскому следователю, он чувствовал – сейчас они должны работать вместе. Тайна, сгустившаяся над Байкалом и окружающей тайгой, была слишком темной и опасной, чтобы распутывать ее в одиночку. Молчание тайги пугало не меньше, чем застывшее изумление в глазах мертвеца. Что ждало их там, в этой зеленой, безмолвной глуши? Он не знал. Но чувствовал – игра начинается по-настоящему. И ставки в ней – человеческие жизни.

Глава 2: Тени в тайге

(Часть 1)

Утро выползло на улицы Иркутска неохотно, серое, стылое, едва отличимое от ночи. Фонари еще горели, отбрасывая мутные желтые пятна на заиндедеввшие тротуары. Воздух пах снегом и угольным дымом из печных труб. Во дворе Управления Внутренних Дел царила не свойственная этому раннему часу суэта. Двигатель армейского грузовика ГАЗ-66, уже прогретый, мерно урчал, выпуская клубы сизого выхлопа, которые тут же растворялись в морозной дымке.

Петров, натянув поверх формы тяжелый овчинный тулуп, лично проверял снаряжение, которое двое молодых оперативников – Баранов и Сеницын, крепкие ребята с обветренными лицами, которых он выбрал для группы, – грузили в кузов. Спальные мешки, палатка, запас провизии на несколько дней, топоры, пила, канистры с бензином, моток прочной веревки, аптечка с увеличенным запасом бинтов и обезболивающего. Рядом лежали два карабина СКС в промасленной бумаге – оружие выдали со склада под личную ответственность Петрова. Тайга есть тайга. Всякое бывает. Зверье. Или не только зверье.

Волков стоял чуть поодаль, у кабины грузовика, одетый все в ту же щегольскую шинель, которая казалась совершенно неуместной для таежной экспедиции. На его лице чита-

лось нетерпение. Он то и дело поглядывал на часы, словно боясь опоздать на встречу с пропавшими геологами.

– Петров, мы все необходимое взяли? Рация проверена? Проводник где? – спросил он резко, прервав молчание.

– Все по списку, Александр Сергеевич, – ответил Петров, не оборачиваясь, принимая от Синицына тяжелый брезентовый рюкзак. – Рация на базе, в Усть-Баргузине заберем портативную. Проводник – Егорыч, эвенк, – ждет нас там же. Места те знает как свои пять пальцев. Без него – никуда.

– Надеюсь, ваш Егорыч не будет забивать нам голову сказками про лесных духов, – Волков подошел ближе, оглядывая гору снаряжения в кузове. – Нам нужны факты, а не фольклор. И скорость. Каждый час может быть решающим.

– В тайге, товарищ Волков, скорость не всегда главное, – Петров наконец посмотрел на него. – Главное – дойти. И вернуться. Егорыч знает, как это сделать. И про духов лесных он, может, и не врет. Не все здесь объясняется Уголовным кодексом.

Волков промолчал, но в глазах его промелькнуло знакомое раздражение. Он явно считал осторожность и суеверия Петрова досадной помехой. Для него это была четкая задача: найти пропавших, выяснить причину, доложить в Москву. Эмоции, предчувствия, байкальские тайны – все это было лишь информационным шумом.

Но напряжение висело в воздухе не только из-за разницы их подходов. Обоих давило предчувствие. Сообщение об ис-

чезновении геологов легло слишком уж точно в канву странной смерти на льду. Слишком много совпадений для глухой сибирской провинции. Ощущение срочности было почти физическим – холодное, колючее, оно подгоняло, заставляло двигаться быстрее, перепроверять узлы на рюкзаках, ту же затягивать ремни.

– Поехали, – бросил Волков, открывая дверцу кабины со стороны пассажира.

Петров кивнул Баранову и Сеницыну, устраивавшимся в кузове среди снаряжения.

– В кабину садись, – сказал он Сеницыну. – Баранов, ты в кузове за старшего. Приглядывай.

Он сам сел за руль. Двигатель взревел, и тяжелый грузовик, кряхтя и подпрыгивая на ухабах замерзшей колеи, выбрался со двора УВД на пустынные утренние улицы Иркутска. Город оставался позади, уступая место пригородам, а затем и бескрайнему простору, покрытому снегом. Впереди лежали сотни километров пути до Усть-Баргузина, а потом – неизвестность. Молчаливая, зеленая, полная теней тайга. И два следователя, такие разные, но объединенные одной целью и одной, пока неясной, но явно ощутимой угрозой. Атмосфера в кабине была натянута до предела.

(Часть 2)

Если тракт до Усть-Баргузина был просто плохой дорогой – с ухабами, замерзшими колеями и редкими деревеньками, цеплявшимися за жизнь у самой обочины, – то путь от по-

селка вглубь тайги дорогой назвать было сложно. Это была скорее условная просека, пробитая когда-то лесовозами и теперь занесенная глубоким, по пояс, снегом. Старый ГАЗ-66 ревел, напрягая все силы, полз медленно, как усталый зверь, оставляя за собой глубокий, рваный след. Иногда он зарывался по самые мосты, и тогда приходилось выходить, откапывать колеса лопатами, подкладывать ветки. Воздух звенел от мороза, щеки горели, а дыхание мгновенно превращалось в густой пар.

Пейзаж вокруг был однообразным и величественным в своей суровой простоте. Бесконечные стены тайги – лиственницы, сбросившие хвою и стоявшие черными, костлявыми скелетами, и могучие кедры с соснами, чьи темно-зеленые лапы были тяжело присыпаны снегом. Небо над головой было низким, свинцовым, обещавшим новый снегопад. Ни звука, кроме рева мотора и скрипа снега под колесами. Казалось, время здесь остановилось или текло по каким-то своим, нечеловеческим законам. Цивилизация осталась где-то далеко позади, в другом мире. Здесь правила природа – древняя, равнодушная, не прощающая ошибок.

В тесной, промерзшей кабине грузовика молчание было таким же плотным, как и тайга за окнами. Синицын, молодой оперативник, сидел, как то поместившись между Петровым и Волковым, держась за что придется и стараясь не мешать. Петров вел машину уверенно, его лицо было непроницаемым, взгляд сосредоточен на едва различимой колее впе-

реди. Он знал эту дорогу, знал, как опасно здесь потерять бдительность.

Волков, напротив, казался раздраженным этой медлительностью, этой первобытной борьбой с бездорожьем. Он то и дело поглядывал на часы, ерзал на сиденье. Видно было, что он привык к другому темпу, к другой реальности, где расстояния измеряются часами полета, а не сутками езды по снежной целине.

– Далеко еще до места, где они должны были быть? – нарушил он наконец молчание. Голос его звучал в кабине неестественно громко.

– Егорыч говорит, к вечеру доберемся до точки, где они выходили на связь последний раз, – ответил Петров, не отрывая глаз от дороги. – Если повезет и опять не сядем.

– Егорыч... Ваш проводник... Он надежный? Не заведет нас к каким-нибудь медвежьим берлогам вместо лагеря геологов? – Волков пытался говорить легким тоном, но сквозь него пробивалось недоверие и желание утвердить свой авторитет.

– Егорыч тут каждую тропку знает с детства, Александр Сергеевич, – Петров позволил себе легкую усмешку. – И медведей он чует за версту. А вот геологов... Это вопрос. Если они действительно заблудились или попали в беду, найти их будет непросто. Тайга следы быстро прячет.

– Мы их найдем, – твердо сказал Волков. – У нас есть приказ. И ресурсы. Кстати, капитан, я хотел бы уточнить план

действий по прибытии на место. Считаю, что оперативное руководство поисковой операцией должно быть сосредоточено в одних руках. Учитывая мой опыт...

Петров молчал, глядя вперед, где дорога делала крутой поворот, огибая заснеженный холм. Он знал, к чему клонит Волков. Столичному следователю не терпелось взять все под свой контроль, отодвинув местного капитана на вторые роли.

– Опыт у вас, безусловно, богатый, Александр Сергеевич, – проговорил он наконец, аккуратно поворачивая руль. – Но здесь, в тайге, опыт немного другой нужен. Не кабинетный. Решения принимать придется быстро, по ситуации. И слушать надо не только приказы, но и то, что тайга шепчет. И что Егорыч скажет.

– Вы опять про свой фольклор, капитан? – Волков слегка повысил голос. – Давайте договоримся: мистику и суеверия оставляем за бортом. Руководствуемся картой, компасом, логикой и Уставом. Руководить буду я. Вы отвечаете за выполнение моих указаний и поддержание дисциплины среди ваших людей. Идет?

Грузовик как раз выехал на более ровный участок, и Петров на мгновение перевел взгляд на Волкова. В его глазах не было злости, скорее ирония и какая-то глубинная усталость от этой вечной борьбы с чужаками, не понимающими и не желающими понимать этот край.

– Как скажете, товарищ старший лейтенант, – ответил он подчеркнуто официально. – Ваше слово – закон. Особенно

здесь, в семидесяти километрах от ближайшего телефонного аппарата. — Он снова отвернулся к дороге, но Волков заметил легкую усмешку в уголках его губ.

Напряжение в кабине снова сгустилось. Они ехали дальше, вглубь молчаливой, заснеженной пустыни, каждый со своими мыслями, своим опытом и своим пониманием того, что их может ждать впереди. Дорога петляла, теряясь между заснеженными сопками, и все больше походила на дорогу в никуда. Дорогу в сердце тайны, которая не спешила раскрывать свои секреты.

(Часть 3) Разорванное полотно

Уже начало смеркаться, когда Егорыч — невысокий, крижистый эвенк с лицом, похожим на кору старой лиственницы, — молча указал рукой вперед. Он сидел в кабине рядом с Петровым с самого Усть-Баргузина, почти не произнеся ни слова, лишь изредка давая короткие указания: «Левее бери, Матвеич, там топко», «Тут перемет, ходом надо». Но его молчание было говорящим — он слушал тайгу, впитывал ее знаки.

Грузовик, преодолев последний подъем, выполз на небольшую поляну, окруженную густым ельником. Мотор заглох, и наступила оглушающая тишина, лишь потрескивали остывающие детали двигателя. В сером предвечернем свете на поляне виднелись две брезентовые палатки. Одна стояла криво, просев под тяжестью снега, вторая была частично порвана.

– Приехали, – глухо сказал Егорыч. – Здесь они стояли. Дальше след теряется.

Все выбрались из машины, разминая затекшие ноги. Мороз кусался сильнее, чем в дороге. Баранов и Синицын вытащили карабины, щелкнув затворами. Волков нетерпеливо направился к палаткам, Петров и Егорыч – за ним.

Чем ближе они подходили, тем яснее становилась картина заброшенности и... паники. Снег вокруг палаток был истоптан множеством следов, хаотичных, разнонаправленных. Кострище в центре поляны было еще теплым на ощупь – потухло всего несколько часов назад, значит, люди были здесь совсем недавно. Но самих людей не было.

Первая палатка, та, что стояла криво, была пуста, но внутри царил беспорядок. Спальные мешки разворочены, личные вещи – кружки, миски, книги – разбросаны. Выход был расстегнут, но не поврежден.

Вторая палатка представляла собой куда более жуткое зрелище. Брезент на боковой стене был не просто порван – он был разодран на куски, причем изнутри. Кто-то в панике прорывался наружу, не пытаясь найти выход. Внутри был такой же хаос, как и в первой, но к нему добавлялись темные пятна на брезентовом полу и на одном из спальников.

– Кровь? – Волков присел на корточки, внимательно рассматривая пятна. Он достал из своего чемоданчика небольшую лупу и пинцет.

Петров тоже наклонился. Пятна были бурыми, застывшими.

ми. Не очень обильные, но они были.

– Похоже на то. Немного. Может, кто-то поранился, вылезая?

– Или кто-то не успел вылезти, – мрачно предположил Волков. Он осторожно поднял пинцетом клочок брезента с прилипшим к нему темным волоском.

Егорыч стоял у входа во вторую палатку, не заходя внутрь. Он молча смотрел на следы вокруг, на порванный брезент, на темнеющий лес. Лицо его было непроницаемым, но Петров заметил, как старик крепче сжал в руке свою старенькую берданку.

– Что скажешь, Егорыч? – спросил Петров тихо.

– Зверь тут был, – так же тихо ответил эвенк, не поворачивая головы. – Большой. Но... не простой зверь. Не медведь, не волк. След странный. И люди... Они не от зверя бежали. От чего-то другого. Чего-то, что было с ними... здесь.

Петров посмотрел на Волкова. Тот был слишком поглощен осмотром палатки и пятен крови, чтобы обращать внимание на слова проводника. Для него это были очередные «байки».

– Осмотрите все вокруг, – приказал Волков оперативникам. – Ищите гильзы, оружие, любые зацепки. Следы куда ведут?

Баранов и Синицын разошлись по поляне, внимательно всматриваясь в снег.

– Следы ведут в разные стороны, товарищ старший лей-

тенант! – крикнул Синицын через некоторое время. – Трое бежали вон туда, к речке. А один... один след идет вглубь леса, на север.

– Кто-то отстал? Или пытался уйти в другую сторону? – Волков выпрямился, отряхивая перчатки. – Похоже на нападение. Возможно, те самые беглые зэки, о которых вы говорили, капитан? Или местные бандиты? Отобрали у геологов что-то ценное...

– У геологов? Что у них ценного? Образцы породы? Старая рация? – Петров покачал головой. – Не похоже. И почему тогда палатка порвана изнутри? Если нападали снаружи, ломали бы вход. А тут – паника. Бежали от чего-то, что было *внутри* палатки. Или от того, чего они испугались снаружи так, что ломали стены, лишь бы выбраться.

Волков нахмурился. Логика Петрова была неоспорима. Картина не укладывалась в простую схему нападения. Было что-то еще. Что-то нелогичное, иррациональное.

Солнце уже почти село за верхушки деревьев. Тени на поле стали длинными, чернильными, сливаясь с подступающим лесом. Тишина сгустилась, стала почти осязаемой. Стало по-настоящему холодно. И жутко. Ощущение заброшенности, панического ужаса, застывшее на этой маленькой поляне посреди бескрайней тайги, начало пробираться до костей даже прагматичного Волкова.

– Ладно, – сказал он, поежившись. – Становится темно. Разбиваем здесь лагерь на ночь. Утром пойдем по следам.

Баранов, Синицын – по очереди на дежурство. Оружие держать наготове. Всем быть начеку.

Петров посмотрел на Егорыча. Тот стоял неподвижно, глядя в сторону темнеющего леса, туда, куда уходил одиночный след. Старый эвенк словно прислушивался к чему-то, чего не слышали другие. И выражение его лица Петрову совсем не нравилось.

(Часть 4)

Пока оперативники разводили костер и ставили свою палатку рядом с грузовиком, а Егорыч молча осматривал ближние подступы к поляне, Петров и Волков решили еще раз тщательно обследовать заброшенные палатки геологов при свете мощных фонарей. Возможно, в спешке и сумерках они что-то упустили.

Волков методично прощупывал спальники, проверял карманы брошенной одежды, заглядывал в пустые консервные банки. Петров же обратил внимание на несколько брезентовых мешков с образцами породы, сваленных в углу первой палатки. Геологи явно собирали их и готовили к отправке. Он развязал один мешок. Внутри были обычные камни серого и бурого цвета. Он высыпал содержимое второго – то же самое. А вот в третьем...

– Александр Сергеевич, взгляните-ка, – позвал он.

Волков подошел. Петров посветил фонарем в мешок. Среди обычных камней лежало несколько черных, блестящих обломков породы, которые он не сразу и заметил. Они были

тяжелее обычных камней такого же размера и имели странную, оплавленную поверхность, словно побывали в очень высокой температуре.

Волков взял один обломок в руку.

– Метеорит? Или какая-то руда? – он поднес к нему компас, который всегда носил с собой. Стрелка компаса мгновенно и резко отклонилась, указывая точно на камень в его руке. – Сильно магнитит... Интересно. Что они тут искали? Железную руду?

Петров взял другой черный обломок. Он был холодным, неестественно холодным на ощупь, гораздо холоднее окружающего воздуха. И когда он повернул его определенной гранью к свету фонаря, ему показалось... или нет?.. что внутри камня вспыхнула и тут же погасла крошечная зеленая искорка. Он повертел камень еще раз. Нет, больше ничего. Показалось. Наверное.

– Мало ли что магнитит, – сказал он, пряча минутное замешательство. – Может, просто порода такая. Давайте лучше посмотрим вещи. Дневники, записи – должно же быть что-то.

Они продолжили поиски. В одном из рюкзаков, брошенном у выхода из второй, разодранной палатки, Петров нашел то, что искал. Обычная школьная тетрадь в клеенчатой обложке. Полевой дневник. По записям на первой странице он принадлежал начальнику партии – Кольцову.

Записи начинались стандартно: даты, координаты, описа-

ние маршрута, геологические наблюдения. Рутинa. Но чем дальше, тем тревожнее становился тон записей. Почерк становился неровным, прерывистым. Появились упоминания о странностях.

«...18 ноября. Ночью опять этот гул. Низкий, едва слышимый. Ребята нервничают, говорят – ветер в скалах. Но я не уверен. И животные ушли из района. Третий день ни одного следа».

«...20 ноября. Нашли странные образцы в шурфе №3. Черные, стекловидные. Сильно фонят на счетчике Гейгера. (Петров и Волков переглянулись. Счетчика Гейгера у них с собой не было). И... странное ощущение рядом с ними. Словно... вибрация. Голова болит».

«...21 ноября. Петрович (один из геологов) жалуется на голоса. Говорит, шепчут что-то из темноты. Списываю на усталость и нервы. Но сам сплю плохо. Снятся кошмары. Будто хожу по замерзшему озеру, а подо льдом кто-то огромный смотрит на меня».

Последняя запись была сделана вчера, 22 ноября. Почерк был почти неразборчивым, буквы плясали.

«Гул стал громче. Почти постоянный. Не снаружи. Он... внутри головы. В камнях. Они вибрируют. Шепчут. Зовут. Петрович сошел с ума, кричит, бьется в палатке. Пытается прорваться наружу. Говорит, они идут. Кто идет?! Не могу больше... Свет... Неправильный свет...»

На этом запись обрывалась.

Волков медленно закрыл тетрадь. Его лицо было серьезным, лоб прорезала глубокая складка.

– Голоса... Вибрации... Камни, которые «шепчут»... Радиация? – он посмотрел на черные образцы, которые они нашли. – Или... массовая галлюцинация? Отравление каким-то газом? Но палатка порвана изнутри...

– И след одинокий уходит на север, – добавил Петров тихо. – Будто один из них не бежал от чего-то, а шел к чему-то. Куда звали голоса.

Волков снова открыл дневник, вчитываясь в последнюю запись.

– «Неправильный свет...» Что это значит?

Они не знали. Но оба чувствовали, что найденный дневник и эти странные черные камни – не просто улики. Это были фрагменты мозаики, складывающейся в картину тихого безумия и иррационального ужаса, охватившего группу геологов перед их исчезновением. Причина этого ужаса оставалась неясной, но она была здесь, рядом, в этих камнях, в этом дневнике, в самой атмосфере заброшенного лагеря. И она была связана с тем самым «гулом» и «вибрацией», о которых твердил геолог Кольцов.

– Надо забрать эти камни, – сказал Волков решительно, осторожно заворачивая черные образцы в кусок брезента. – И дневник. Это уже серьезно. Очень серьезно.

Костер на поляне разгорелся ярче, отбрасывая пляшущие тени на стволы деревьев. Но теперь этот огонь казался не

столько источником тепла и безопасности, сколько маленьким, трепещущим островком разума в океане подступающей темноты и необъяснимого. Шепот камней и шепот безумия, зафиксированный в старой тетради, витали над заснеженной поляной невидимым облаком.

(Часть 5)

На рассвете, едва серое молоко неба начало отделяться от чернильной кромки леса, все уже были на ногах. Короткий, тревожный сон не принес отдыха. Тишина тайги давила на уши, каждый треск сучка, каждый шорох казались предвестниками чего-то недоброго.

После быстрого завтрака – горячий чай из термоса и мерзлый хлеб с салом – группа приступила к тщательному осмотру следов вокруг лагеря при скудном утреннем свете. Волков, несмотря на столичную щеголеватость, оказался дотошным криминалистом. Он лично ползал на коленях по снегу с рулеткой и фотоаппаратом (трофейный "Цейс Икон", который он берег как зеницу ока), фиксируя каждый отпечаток.

Картина прояснялась, но от этого не становилась менее странной.

– Итак, что мы видим? – Волков поднялся, отряхивая снег с шинели. – Три группы следов уходят на юго-запад, в сторону реки. Бежали. Расстояние между шагами большое, следы глубокие, неровные – явные признаки паники. Похоже на трех человек. Возможно, двое тащили третьего, раненого? – Он кивнул на обнаруженную вчера кровь.

– А четвертый? – спросил Петров, который вместе с Егорычем изучал другую цепочку следов.

– А вот четвертый – самое интересное, – Волков подошел к ним. – Один комплект следов уходит строго на север, в чащу. Шаг ровный, спокойный. Будто человек шел на прогулку. Или... шел к определенной цели. Тот самый Петрович из дневника, который «слышал голоса»?

Егорыч, сидевший на корточках, покачал головой.

– Не просто шел, начальник. Смотри сюда.

Он указал на снег рядом с цепочкой человеческих следов, уходивших на север. Там виднелось нечто иное. Несколько глубоких, крупных вмятин в плотном насте. Они были нечеткими, словно слегка оплывшими, но размер впечатлял. И форма...

– Медведь-шатун? – предположил Синицын, нервно передернув затвор карабина.

Егорыч снова покачал головой, его лицо стало еще серьезнее.

– Не медведь. Когтей нет. И след... другой. Смотри, – он обвел пальцем контур одной из вмятин. – Три... как бы опоры? И в центре – ровная площадка. Словно... не зверь. Словно машина какая-то стояла. Тяжелая.

Волков присел рядом, внимательно рассматривая отпечатки. Они действительно были странными. Не похожи ни на лапу зверя, ни на след гусеницы или колеса известной ему техники. Три массивные, округлые опоры образовывали рав-

нобедренный треугольник, а между ними снег был примят, словно чем-то тяжелым и плоским. И что самое странное – эти следы не вели *к* лагерю и не уходили *от* него. Они просто были *здесь*, рядом с тропой одинокого геолога. Словно нечто тяжелое опустилось с неба, постояло и снова поднялось вверх.

– Аппарат какой-то? Вертолет? – Волков недоверчиво посмотрел на небо сквозь голые ветви. Но площадка была слишком маленькой для вертолета, и не было следов от винта.

– Не вертолет, – пробормотал Егорыч. – Другое... Старик рассказывали... про огненные шары с неба... Что прилетают иногда. След такой же оставляют. Холодный след.

Волков хотел было снова отмахнуться от «фольклора», но вид этих странных, нелогичных отпечатков на снегу заставил его промолчать. Он достал фотоаппарат и тщательно заснял следы со всех ракурсов, с рулеткой для масштаба. Факты упрямо не желали укладываться в привычные рамки.

– Значит, – Волков выпрямился, его лицо было задумчивым. – У нас три человека, спасающиеся бегством к реке. Один, возможно, сошедший с ума, спокойно уходит на север. И рядом с его тропой – следы... неизвестного происхождения. Или неизвестного аппарата. Который, возможно, и напугал остальных? Или который прилетел за этим четвертым?

– Или который принес то, от чего они все бежали, – тихо добавил Петров, вспомнив дневник и слова о «неправильном

свете».

Волков посмотрел на него, потом на Егорыча, потом на две цепочки следов, расходящиеся в разные стороны. Дилемма была очевидна. Куда идти? Искать троих, которые, возможно, еще живы и нуждаются в помощи? Или идти по следу одиночки и этих странных отпечатков, навстречу неизвестному и, возможно, опасному?

– Мы не можем бросить людей, если есть шанс, что они живы, – сказал Волков, принимая решение. – Разделяться рискованно. Идем сначала к реке, по следу троих. Если найдем их или их следы обрвутся – вернемся и проверим северное направление. Капитан, вы согласны?

Петров посмотрел на Егорыча. Тот молча кивнул. Спорить было бессмысленно. Хотя Петрову казалось, что ключ к разгадке лежит именно там, на севере, куда ушел одинокий геолог, возможно, ведомый не безумием, а чем-то иным.

– Согласен. Выдвигаемся. Егорыч, веди.

Старый эвенк первым шагнул на тропу, ведущую к реке. За ним двинулись остальные, бросив последний взгляд на странные, ни на что не похожие следы, застывшие на снегу молчаливым вопросом. Тайга неохотно принимала их в свои объятия, полная теней, шорохов и неразгаданных тайн.

(Часть 6)

Они шли уже несколько часов по следу троих беглецов. Тропа становилась все менее различимой, петляла между буруном и глубокими сугробами. Егорыч уверенно вел груп-

пу, но даже он двигался медленнее обычного, внимательно вглядываясь в каждую деталь.

– Тормозили здесь, – проговорил он, указывая на примятый снег у корней большой лиственницы. – Отдыхали. И вот... – Он наклонился и поднял что-то темное. Это оказалась геологическая рукавица, полузасыпанная снегом. – Теряли вещи. Спешили сильно. Боялись.

Волков нетерпеливо посмотрел на часы.

– Нам нужно двигаться быстрее. Они могли уйти далеко.

Егорыч посмотрел на московского следователя беззлобно, но твердо.

– Быстро пойдешь – смерть найдешь. Тайга не любит спешки. Здесь рядом, – он кивнул в сторону невысокого перевала, – зимник Улрэ стоит. Старый охотник. Может, видел чего. Его угодня тут. Стоит зайти. Лишним не будет.

Волков хотел возразить, что терять время на разговоры с очередным «местным» нет смысла, но Петров его опередил.

– Егорыч прав. Если кто и мог видеть или слышать что-то необычное в этом районе – так это Улрэ. Зайдем.

Свернув с тропы беглецов, они через полчаса вышли к крохотной, вросшей в снег избушке-зимовью. Из низкой трубы вился тонкий, пахнущий смолем дымок. Рядом сушились на шесте несколько шкурок соболя. Атмосфера была пропитана запахом дыма, зверя и чего-то еще – древнего, неуловимого.

Егорыч постукал условным стуком в низкую, обледенев-

шую дверь. Изнутри послышалось шарканье, потом дверь приоткрылась, и на них посмотрели узкие, подозрительные глаза из-под густых седых бровей. Хозяин, Улрэ, был еще старше и суше Егорыча, лицо его казалось вырезанным из темного дерева. Он молча оглядел пришедших, задержав взгляд на незнакомой форме Волкова.

Егорыч заговорил первым на певучем эвенкийском языке. Петров, немного понимавший его, уловил слова «люди пропали», «геологи», «большая беда». Он достал из кармана пачку «Примы», протянул старику. Улрэ помедлил, но пачку взял, кивнул и шире открыл дверь, пропуская их внутрь. Тепло маленькой избушки, жарко натопленной железной печуркой, ударило в лицо после мороза.

Внутри было тесно, пахло жильем, сушеными травами и старой овчиной. Улрэ сел на низкую лавку у печи, остальные разместились кто где смог. Волков с трудом скрывал нетерпение и брезгливость, осматривая скромное жилище.

Егорыч снова заговорил с Улрэ, указывая то на Петрова с Волковым, то в сторону заброшенного лагеря. Он рассказывал о находках, о порванной палатке, о странных следах, о дневнике с упоминанием гула и голосов. Улрэ слушал молча, набив трубку табаком Петрова, его глаза были полуприкрыты.

– Эти... геологи... – проскрипел он наконец по-русски, с сильным акцентом, обращаясь скорее к Петрову, чем к Волкову. – Проходили тут. Дней пять назад. Туда шли, – он мах-

нул морщинистой рукой в сторону севера, в ту сторону, куда ушел одинокий след. – Глубже. В *хулун элэ* – в землю плохую.

– Запретная зона? – уточнил Петров.

Улрэ криво усмехнулся, обнажив редкие желтые зубы.

– Для кого запретная, для кого – нет. Для умного – запретная. Место там... нехорошее. Давно. Земля стонет иногда. Небо злится. Я им говорил – не ходите. А они... смеялись. Молодые, горячие. Искали что-то. Камень черный искали. Говорили, богатство большое под землей лежит.

– Камень черный? Магнитный? – быстро спросил Волков.

Улрэ посмотрел на него долгим, непроницаемым взглядом.

– Черный. Тяжелый. Холодный. Хуже магнита. Кто его тронет – ум теряет. Духи камня в голову лезут. Шепчут. Зовут. Как... этих... геологов. Один-то совсем плохой был уже. Глаза бегали. Кричал во сне.

– А что насчет... следов странных? Больших? – спросил Петров. – И необычных явлений? Света?

Старик замолчал, глубоко затянулся трубкой. Дым окутал его лицо.

– Свет был, – проговорил он нехотя. – Дня три назад. Ночью. *Тэнгэри гал* – огонь небесный. Не такой, как зарница. Другой. Холодный. И гул потом по земле пошел. Будто кто-то большой ворочался под снегом. – Он понизил голос. – Это *огин эрин*. Злой дух проснулся. Тот, что давно упал с неба.

Очень давно. Деда рассказывали. Кто его разбудит – тому беда. Вам... туда не надо. Совсем не надо. Плохо кончится. Он теперь злой. Голодный.

Улрэ умолк, и в наступившей тишине был слышен только треск дров в печурке и вой ветра за дверью. Его слова, полные древнего суеверия и какой-то первобытной мудрости, повисли в воздухе тяжелым предостережением. Волков выглядел скептически, но упоминание «небесного огня» и «гула» явно зацепило его. Петров же чувствовал, как страх, иррациональный, но цепкий, снова шевельнулся внутри. Старый охотник не шутил. Он предупреждал. И его предостережение касалось не только медведей или мороза. Оно касалось чего-то гораздо более древнего и непонятного, пробудившегося в сердце сибирской тайги.

(Часть 7)

Они покинули зимовье Улрэ, провожаемые его молчаливым, тяжелым взглядом. Предостережения старого эвенка повисли в воздухе, но Волков, едва они отошли на приличное расстояние, постарался вернуть разговор в привычное ему русло рационального анализа. Мороз щипал щеки, скрип снега под ногами был единственным звуком в неподвижном лесу.

– Ну что ж, капитан, еще одна порция местного фольклора, – проговорил он, чуть повысив голос, чтобы перекрыть скрип шагов. – Огненные шары, злые духи, проклятые камни... Весьма колоритно, не спорю. Но нам нужны факты, а

не легенды, которым сто лет в обед.

Петров молчал. Он не собирался спорить. Он просто запоминал то, что сказал Улрэ.

– Давайте вернемся к нашим версиям, – продолжил Волков, словно подводя итог услышанному в избушке. – Что мы имеем на данный момент? Четыре геолога пропали. Лагерь брошен в панике. Один из них, возможно, ранен. Есть следы крови. Один, по описанию Улрэ и записям в дневнике, вел себя странно, возможно, сошел с ума. Рядом с лагерем – необъяснимые следы крупного размера, не похожие на звериные. И еще эти черные магнитные камни с повышенным фоном, которые они нашли.

Он сделал паузу, обдумывая.

– Первая версия, которую я не могу до конца исключить, – беглые заключенные. Я запросил информацию – да, сравнительно недалеко, километров триста на восток, есть колония строгого режима. Был ли побег недавно? Пока неизвестно, связь плохая. Но теоретически группа беглых, голодных и озлобленных, могла наткнуться на лагерь геологов. Отсюда нападение, паника, возможно, убийство, захват заложника... Это объясняет и паническое бегство, и следы крови. Но не объясняет порванную изнутри палатку и странное поведение одного из геологов до предполагаемого нападения. И уж тем более эти следы «огненного шара».

– Вторая версия – диверсанты, – Волков понизил голос, покосившись на идущих чуть позади оперативников и Его-

рыча. – Близость границы с Монголией и Китаем... Находка стратегически важного сырья... Хотя эти черные камни пока не ясно, что такое. Но если предположить, что геологи наткнулись на что-то ценное, иностранная разведка могла попытаться перехватить информацию или образцы. Тогда это может быть и ликвидация группы, и похищение специалиста (тот самый, что ушел на север?). Объясняет и скрытность, и возможное применение спецсредств (тот самый «неправильный свет» или «небесный огонь» – испытание нового оружия?). Но опять же – не вяжется с паникой и странным поведением геологов *до* событий.

Он на мгновение замолчал, обходя поваленное дерево.

– Третья версия, которая начинает мне казаться все более вероятной, учитывая дневник и слова Улрэ о «духах камня», – это воздействие некоего фактора на психику. Возможно, природного происхождения. Например, выход на поверхность какого-то газа из тектонического разлома? Вулканическая активность? Сероводород, метан в большой концентрации могут вызывать галлюцинации, потерю ориентации, панику, агрессию. Это объяснило бы и «голоса», и «вибрации», и паническое бегство, и сумасшествие одного из членов группы. Может, и «небесный огонь» – это самовозгорание метана? А странные следы... ну, может, это просто причудливые формы наледи или сугробов, которые мы приняли за что-то осмысленное?

Петров слушал внимательно. Версии Волкова были ло-

гичны, каждая объясняла часть фактов. Но ни одна не охватывала картину целиком.

– А замороженный на Байкале? – спросил он тихо. – Какой газ это может сделать?

Волков поморщился.

– Это пока отдельный вопрос. Возможно, он не связан с геологами напрямую. Или... он тоже попал под воздействие этого... фактора, но в большей концентрации? Или ближе к источнику? Ладно, пока отложим. Сейчас наша задача – найти пропавших. Версия с газом или иным природным явлением кажется мне наиболее рабочей. Она объясняет больше всего фактов без привлечения «злых духов» и «летающих тарелок».

Он говорил уверенно, убежденно, словно пытался и себя уверить в том, что всему есть рациональное объяснение. Но Петров видел, что и у московского следователя в глазах поселилось сомнение. Слишком много странностей, слишком много нестыковок. Логика давала сбои перед лицом сибирской тайны.

– Может быть, и газ, – сказал Петров медленно. – Только вот Егорыч и Улрэ... они всю жизнь в этой тайге. И про газы из-под земли наверняка слышали. Но говорят они не про газ. А про что-то другое. Что-то, чего боятся по-настоящему.

Волков ничего не ответил, лишь плотнее закутался в свою шинель, словно пытаясь защититься не только от мороза, но и от тех иррациональных теней, что сгущались вокруг них

вместе с подступающими сумерками. Рациональные гипотезы были удобной броней, но где-то в глубине души он, возможно, уже начинал чувствовать, что в этой тайге действуют законы, неподвластные московским инструкциям.

(Часть 8)

Сумерки в тайге наступают быстро, словно кто-то невидимый накрывает мир плотным серым покрывалом. Идти дальше по едва различимым следам в темноте было безумием. Группа разбила лагерь на небольшой возвышенности, с которой открывался обзор на темнеющую долину реки. Место было выбрано Егорычем – относительно сухое, защищенное от ветра густыми елями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.